

Богдан Заднепровский

НАЦИОНАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА

*Ничто не способно разрушить то,
что возведено на фундаменте истины.*

Савитри Дэви

Зрелый и динамичный социализм 19 века – то есть уже идеология – изначально базировался на тезисе классовой борьбы. Наиболее основательным и достаточным условием его построения было свержение правящей верхушки, самой влиятельной реакционной силы общества. То есть для его построения и осуществления социалистических принципов необходима государственная власть и ее социалистическая политика. Таков был постулат социализма со времен Великой французской революции. Социализм метафизически, таким образом, представляется, как идея развития из самого общества, из общественной структуры, без учета ее культурно-исторического своеобразия. В нем общество рассматривается как универсальная открытая система. Но возможно ли полностью оторваться от специфики конкретного общества, в котором происходят социальные процессы, их становление, эволюция? Можно ли не считаться со своеобразием, самобытностью – исторической, культурной, геополитической того или иного общественного образования? Что до сих пор представляло собой само общество, в котором происходило социалистическое строительство? По здравому размышлению придется признать, что то или иное общество – общность развивались не только в экономическом или социальном плане – как взаимоотношение классов, но одновременно и как культура, как опосредованное ландшафтом и этничностью объединение людей, как, в конце концов, политическая государственная система. Помимо классовой структуры на протяжении истории формировалась система взаимоотношений государства, его подданных, его соседей, сдобренная всевозможными особенностями этнического, культурного, ландшафтного характера. В рамках истории происходит не только социально-экономическое развитие общества, но в то же время и этногенез – трансформации этноса от примитивных форм до нации. Нет ли пересечений и переплетений, закономерностей в социалистическом развитии общества и в становлении его национального самосознания?

Чтобы установить генетическую связь идей социализма с идеей нации, следует обратиться к культурно-историческому процессу становления социалистических идей. Взглянем на появление и становление социалистических идей с точки зрения тенденций всеобщей истории Европы. А они показывают, что идеи социализма возникли в эпоху становления европейских наций, их наци-

онального самосознания, в то же время, когда Европа постепенно начала отказываться от средневекового религиозного универсализма. Перевод Писания на национальные языки и отделение от единой церкви вызвал первое мощнейшее массовое национально-освободительное движение в Западной Европе – Реформацию: в Германии, Швейцарии, Чехии. Одновременно с этим взрывом национального самосознания и самоопределения в эту эпоху европейского Ренессанса возник и проект социального преобразования общества. Он развивался двояко. С одной стороны – это естественное право и «общественный договор» Гоббса, Локка и Спинозы на основе эмпиризма, что послужило, в конце концов, основой становления буржуазного общества. Эмпиризм никак не противоречил идее нации, в некоторых тезисах он ее утверждал, как приоритет. С другой стороны – дерзкая мысль о построении Царствия Божьего на Земле, начиная с «Утопии» Томаса Мора. И далее в русле философии рационализма идеалы социальной идеи расходятся с нацией в силу именно искусственных рациональных построений социума, намеренной оторванности от исторической реальности. В духе своеобразной протофутурологии. Все построения – и эмпирические и рациональные брали за основу дух Платона и Аристотеля. Через утопические построения прошло все Просвещение: Дидро, Руссо, Лейбниц попытались себя в утопиях. Свифт и Вольтер довели своими опусами идеи рационалистов, эмпириков и просветителей до глумления и гротеска, схожих с нынешним «постмодернити». Последнее гипертрофированное детище средневековья – светский абсолютизм, который избавил в какой-то мере нацию от чрезмерного давления религиозного универсализма пришел к коллапсу социально-экономических противоречий. Буржуазный строй должен был установиться окончательно. Великая французская революция совершила свой переворот. В ней все идеи Нового времени – рационализм, нация, либерализм, социализм – объединились ради достижения общей задачи европейской цивилизации, ее прогресса. Сословное общество было разрушено. Новое буржуазное классовое общество полностью приняло идеи рационализма, отчасти либерализма. Что касается нации и социалистических идей, то буржуазия оказалась к ним не слишком благосклонной. Идеи нации она научилась эксплуатировать ради своих корыстных интересов, для становления буржуазной формации, а вот социалистические идеи оказались лишними. Конечной целью буржуазной формации стал новый универсализм – экономический. Империализм. Он показал ясно и наглядно, что для новых властителей мира – и нации, и социум всего лишь «пушечное мясо». Однако социализм вещь диалектическая, то есть способная к развитию и борьбе, к синтезу. Он искал своей новой опоры в теории, в действительности, своего способа экспансии. Социализм примерял на себя самые разные институты и идеи – государство, демократию, религию, экономику, гегемонию и т.д. Не минула чаша сия и нацию. Идеи нации и социализма, родившись в одно время, начали неизбежно сближаться¹.

И вот снова возвращаемся в 19 век, когда после Великой французской революции социализм начал обретать теоретические «научные» идейные формы и практическую реализацию в виде рабочего движения.

Отметим сразу тот факт, что мысль о построении социализма в отдельно взятой стране прозвучала уже в «ортодоксальном марксизме» (ревизионизм, реформизм)², который описывал в данной версии построение социализма эволюционным путем в наиболее развитых капиталистических странах, в соответствии со схожими историческими закономерностями возникновения предыдущих экономических формаций. Реалии жизни подводили этот тезис естественно под национальное государство. Государственная власть базируется на основе национального суверенитета. И поэтому социализм с непреодолимостью исторической закономерности всегда становился в первую очередь национальным. Такое свойство он обнаруживал в своем становлении и развитии до сих пор, как бы не искажался революционным теоретическим и пропагандистским пафосом.

Даже материалистический исторический детерминизм напрямую позволяет сделать вывод о том, что социалистические идеи прогрессируют лишь в эпоху становления нации – как высшей формы развития народа, до этого все мечты о «светлом будущем» признаются иллюзорными и идейно незрелыми³. Нелишним будет вспомнить, что распространение социалистических идей в России зародилось в движении «народничества», когда о политической дееспособности и сознательности рабочего класса в Российской империи не могло быть и речи.

Но подобные собственные же естественные выводы никак не удовлетворяли революционным амбициям вождей пролетариата. Они считали, что их знание исторических законов развития позволяет им отважиться на дерзость, на переделку мира, на перескок через этапы: «скачок человечества из царства необходимости, в царство свободы»⁴, то есть на мировую революцию. Рационально-материалистическому духу 19 века было свойственно это дерзновение человека, как ниспровергателя богов, как хозяина и покорителя природы и ее законов, зловещего Экспериментатора-Франкенштейна, как, собственно говоря, творца. И с социальным организмом и институтами передовые умы решили поступить как подлинные новаторы. Смоделировать общество на основе научной теории. Сконструировать механизмы и методы прорыва, передела, революции. «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁵ Титаны марксизма – эти социальные Франкенштейны – в теории пошли дальше. Они записали и сам социализм в низшую стадию построения своей главной грезы – коммунизма. То есть в явление вторичное, временное, подчиненное, обесцененное⁶. Для их «продвинутой» коммунистической идеи основными концепциями стали диктатура пролетариата, интернационализм, перманентная мировая социалистическая революции. С появлением коммунистического Интернационала, с его безграничной верой в

солидарность рабочего класса – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и мировую революцию происходит перекося в развитии социалистической идеи. Идея мировой революции отвергла постепенный «эволюционизм», самонадеянно полагаясь на универсализм классовой борьбы и солидарность пролетариата, против универсализма империалистического. И, конечно же, принципиально противоречила логике предыдущих буржуазных революций, которые происходили «в отдельно взятой стране». Мировая социалистическая революция провалилась из-за ее же антагонизма со своими организаторами, потому что социализм абсолютно не сочетался с моделью империалистической гегемонии, по лекалам которой задумывалась эта революция, со всеми ее буржуазными предрассудками, биржевым и финансовым капиталом, стоящим за ней⁷. Она диссонировала социализму и капитализму одновременно, но интернационализм пытался поднять знамя социализма, ради чуждой тому гегемонии. И мировая революция, как калька с империалистической гегемонии, и сам империалистический капитал в основании своем были антисоциалистическими – мондиалистскими. Уже поэтому идея социализма не могла выйти за рамки национального государства. Интернационализм и космополитизм оказались лишь корыстными попутчиками – средством разрушения консервативных устоев старого порядка и стереотипов народных масс: в ту пору империалистический буржуазный национализм (шовинизм) был серьезным сдерживающим фактором для построения социализма⁸. Но в дальнейшем и сам социализм нуждался в первую очередь в суверенитете, хотя бы имперском, близком к национальному, ради защиты своей государственной целостности и строительства, от чужого буржуазного национализма и империализма извне и буржуазных пережитков изнутри. История показала, что и социалистические революции также произошли «в отдельно взятой стране». Мировой солидарности не получилось. Интернационализм стал лишь методом распространения социалистической идеи, но не способом построения социализма. Строительство социализма, его бремя, легло целиком и полностью на национальный организм во всех вариантах построения социализма⁹. И здесь интернациональная идея стала рабством, тюрьмой народов, разрушением высоких национальных культур. Именно по этой причине социализм подспудно борется в дальнейшем с интернациональными факторами внешней угрозы: советская империя упраздняет Коминтерн (несмотря даже на его активную антифашистскую деятельность)¹⁰, выдавливает основную массу яростных революционеров и интернационалистов из своего организма – особенно разного рода мелкобуржуазную мразь. А китайский социализм сразу же становится на национальную основу – ему пришлось обеспечивать государственный суверенитет, также как до этого Советской России воевать с интервенцией враждебных буржуазных национализмов, объединившихся в своеобразный имперский интернационал для уничтожения на российских территориях какой бы то ни было государственности.

Марксистский интернационализм – это социальная форма универсализма, порожденная по образу и подобию рационального материалистического метода

философии и науки. Из диалектики природы по Энгельсу: интернационализм есть стремление к единству, но единству совокупному, логически-рациональному. Он искусственно конструируется, не учитывая органичности социума, естественности его роста и развития, «лепит» единство из не сочетаемых элементов, не считаясь с целостностью, как необходимым принципом любого единства¹¹.

Что касается создания на Западе частичного социализма – института социального государства и «государства благосостояния», то необходимость социализации этих стран также состояла в противодействии интернациональному капиталу и одновременно Интернационалу мировой революции. Здесь социализм был еще средством, а не целью. Он был необходим для борьбы именно за национальную целостность против безумия международного биржевого капитала, мировой революции и их смертельного противостояния – с двумя попытками мировой гегемонии: «железной пяты» и «диктатуры пролетариата». Против их универсализма, как внешнего, так и внутреннего стояла нация. И так как основой этого противостояния была универсалистская «классовая борьба» непримиримая с обеих сторон, которые в свою очередь порождали и поддерживали друг друга в соответствии с догмами материалистической диалектики, то само собой напрашивалось единственное разрешение этой бури – национальное. Необходимость социалистического общества стала исторической закономерностью, но в тотальном ключе борьбы «интернационала пролетариата» и мировой империалистической реакции капитала ее разрешить не удалось: «Ангсоц» Оруэлла, также как и «Железная пята» Лондона – модели гегемонии диктатуры пролетариата и олигархии остались неосуществленными.

В западных странах, как и положено в буржуазном обществе с его частным принципом жизни, социализм стали строить как частичный, национальный и социальный институт через либеральную демократию, создание среднего класса, систему социальных гарантий и страхования, создание социальных фондов. При этом буржуазия сегодня утверждает, что социализм как уклад жизни невозможен, хотя для них это естественно – ведь такой задачи буржуазное общество и его частный принцип себе не ставили и неспособны осуществить по определению. Однако именно благодаря идее социализма сформировался развитый капитализм. Это – факт, и он очень неприятен для буржуазии. Но фактом остается и то, что социализм не был построен до конца, речь уже не идет об эфемерности коммунизма, который своей принципиальной практической непоследовательностью всему этому поспособствовал. В связи с этим у либеральных идеологов появились основания называть систему наиболее социально-развитых государств «социал-капитализмом»¹²: переходная половинчатая форма. Но без «социал» уже не обойтись. Причем данную «почти» социалистическую модель удалось реализовать в рамках только национальных государств. Сегодня эта система рухнет вновь из-за усиления универсалистских тенденций буржуазной реакции, последнего проекта империа-

лизма – экономической глобализации. Система западного социализма – социал-демократия – разваливается из-за неспособности в должной мере обеспечить своими стандартами насильственно космополитизирующееся новыми «архитекторами» разума общество и государство. Западная социал-демократия и христианская демократия перешли к реформизму на базе национальных государств, хотя по-прежнему отрицают национальную природу социальных достижений во имя универсализма либеральных идей, что сегодня приводит к всплеску правого ультранационального радикализма – нации не хотят делиться своими достижениями с другими, с «мировым пролетариатом». К примеру, социал-демократическая партия Швеции требует, как и ранее «развития всех и каждого» на волне экономической глобализации, но на деле Швеция в силах обеспечить этим развитием только шведов, граждан Швеции, а не остальные 6 млрд. населения планеты. То есть «шведская модель» – национальная: лозунг ее построения был двойким «Швеция – для всех шведов». В известный всем шовинистический тезис добавили идею социальной справедливости и равенства. Она не может удовлетворить через свои гуманные социальные принципы нахлынувшие орды мигрантов. Глобализирующиеся правящие элиты государства в рамках своего гегемонического интернационального проекта вообще не заинтересованы в стабильности, которую ранее обеспечивали национальные институты. Международные правительственные организации намерено требуют у государств соблюдать их системам социального обеспечения универсалистские принципы, чтобы надорвать, перегрузить их непомерным давлением социальной ответственности, а затем лживо показать, что социализм невозможен и вновь, повернуть вспять исторический прогресс ради империалистической прослойки господ. Таким образом, западная модель социализма рухнет вне пределов общности, которая ее создавала, и которую этот социализм поддерживал, иными словами теряется равновесие, ставшее возможным лишь в рамках нации, но не способное быть «всемирным», «всеобщим», «общечеловеческим». Что лишний раз убеждает в том, что социализм способен развиваться только в отдельно взятой стране, для отдельно взятой нации и лишь со временем распространяться, как образец, а не экспансия на другие сообщества. По преимуществу так было со всеми предыдущими историческими формациями.

В связи с этим приведем еще интересный факт, относящийся к становлению «государства благосостояния» – частичного западного социализма. Столь ярко провозглашающей себя как социал-демократия «шведской модели» для достижения подлинной солидарности в рабочем движении и профсоюзах в 20-х гг. прошлого столетия пришлось ввести объединительную концепцию «государства как народного дома», заимствованную у националиста Рудольфа Челлена, который ввел в мировой обиход понятие «геополитика». Челлен видел в «народном доме» автаркию, а социал-демократы, взяв само понятие, сделали упор на социальную справедливость и гармоничное развитие¹³. Именно эта идея стала основой одной из самых успешных форм общественно-экономического устройства XX в. Использование понятия «народный» красноречиво

говорит о необходимости учета идеи нации и ее традиций и менталитета в социальном строительстве. Однако выверты нынешнего извращенного сознания представляют «национальное», как культурно-историческое дополнение (комплементарность) к социальной системе. Хотя очевидно, что культура и история самый что ни на есть детерминизм любой социальной системы. Она вырастает из исторического культурно-расового своеобразия, обретает свою форму, свое содержание и направление развития. Поэтому-то *современная геополитика является на деле ничем иным, как конечной формой национализма*, определяющей поведение всех участников международного сообщества. И никто не отказывается от участия в этой игре.

Но посмотрим, что творилось с социалистической идеей там, где она пробивалась революционным путем.

В государствах, где социализм как идея победил полностью в силу крушения национального империализма и монархий, не удалось создать демократии, по причине острой необходимости отстаивать новые завоевания и становление нового уклада в упорной беспощадной борьбе с империализмом и его гегемонией. На империю, тотальный социализм смог ответить лишь империей. В разных случаях мировая революция довольно быстро сходила на нет, так как остро стояла задача суверенитета нового строя (Советский союз).

Или же мировая революция была отвергнута вовсе, в связи с необходимостью национального возрождения, которое было невозможным без решения социальных проблем в небуржуазном ключе. Однако и в противовес мировой революции, и в противовес внешнему империалистическому давлению, как национальному, так и интернациональному (что естественно мешало национальному возрождению) пришлось опираться на национальную буржуазию как на врагов Версаля и мировой революции, которые взаимно выступали против национального возрождения. Но национальная буржуазия также не была врагом своему капиталистическому укладу и по-прежнему лелеяла национальную имперскую гегемонию. Случилось это так, потому что буржуазию чрезмерная социалистическая перспектива пугала больше, нежели привычная национальная империалистическая. В конце концов, имперский – буржуазный национализм перевесил социализм, который больше эксплуатировался не для усиления нации, но для буржуазных целей. Таков был «третий путь», вариант построения социализма в Германии. Его неудача лишней раз показала, что на компромиссах с буржуазией никакого социализма не построишь. Светлые идеи были втоптаны в грязь старого мира¹⁴.

В СССР социализм также стал подчиненным имперской идее гегемонии мировой революции, что и привело его к крушению – социализм строился ради гегемонии социализма, от своих реальных целей: работы на социальную защиту, обеспечения общества он отошел. Но в обоих случаях, в общем и целом он строился в рамках одного государства, в значительной степени опираясь

на национальную сущность, на становой хребет основной нации¹⁵. А разрушен был повсюду извне – идеями гегемоний, как идеей единой империи под эгидой одной нации, так и гегемонией интернационального капитала, впрочем, как и гегемонией интернационала рабов этого капитала, которые в борьбе своих элит пытались разрушить устои друг друга.

За социально-политический прорыв и интенсивное антагонистическое противостояние социалистической и буржуазной систем культурно-историческими сообществами была заплачена огромная кровавая цена. В итоге интернационалы капиталистов и коммунистов (блоки) разрушали нацию и социализм ради всеобщего пролетарского стада, другие просто свергали правящий класс, чтобы перехватить пролетаризацию у своих противников, обещая массам «все» и социализм, ради их энтузиазма.

Таким образом, можно сделать вывод, что социализм – не гегемония и неосуществим вне нации. Он является таким же антиуниверсальным феноменом как и нация¹⁶. Социализм – уклад на основе внутренне единой общины, каковой в максимуме может быть только нация. Социализм базируется на нации и потом распространяется на периферию социума и на государственный организм в целом. В рамках универсальных проектов – гегемоний и империй, социализм оказался нежизнеспособен и существовал исключительно за счет эксплуатации национального базиса – культурного и исторического. Исходя из этого, можно смело утверждать, что социализм может быть только национальным.

Однако новое злокачественное перерождение империализма, усвоившее принципы экспансии интернационала – глобализм и нетократия: транснациональные корпорации, международные правительственные организации, международные финансовые организации – *не хотят* никакого социализма. Коммунисты-интернационалисты *не могут*, не в состоянии его полностью построить, особенно в мировом масштабе. Получается, социализм невозможен, а нация и теми и другими вообще сегодня отрицается. Интернационализм в политике показал, что он есть разрушительное начало. Его еще в какой-то мере можно признать для культурного диалога в творчестве, в науке, в международной интеграции, но не в политике¹⁷. Интернационализм в политике, как показывает история, это союз, направленный на разрушение чего-либо цельного, национального, государственного. Иными словами, он представляет собой на практике метод разрушения: он объединяет лишь для разрушения, для победы над чем-либо суверенным и сильным, единым (цельным), ради власти и доминирования. И в первую очередь он против национального суверенитета. Подлинный же национализм в своей основе от альфы до омеги подчинен нации, ее единству и суверенитету. Он, как народничество, направлен на внутреннее созидание, как патриотизм – на сдерживание внешней экспансии, и лишь как буржуазное, т.е. реакционное явление на внешнюю экспансию. Интернационализм разрушает целостность ради частных целей элит или диаспор. Универсализм разрушает различия, характерные признаки своеобразия

разных сообществ, также ради господства агрессивных элит, диктатур, олигархий¹⁸. Это универсализм «золотого тельца» – потребление и деньги, то, чем он измеряет мир, то, что объединяет нынешних господ. Таким образом, и пролетарский и буржуазный интернационал и потребительский универсализм являются политикой разрушения нации, ее суверенитета, ради власти над народом¹⁹.

Но вместе *нация и социализм* – изгои интернационалов имеют много общего. Нация – это община, социализм был изначально общинным укладом, как примитивный социализм – родовой строй. Сейчас ему предстоит стать вновь таковым на более высоком (национальном) уровне через тысячелетия жесткой социально-экономической стратификации, которая пришла к своему кризису развития, и вынуждена возвращаться к глубоким традициям – либо к реакционным, либо к народным и общинным. Социализм станет сначала социальным и государственным институтом, затем государственным строем, и, наконец, он станет социальным укладом, способом жизни всего общества и нации. Будет ли он исторической формацией жизни всего человечества загадывать преждевременно. Но, в первую очередь, социализм станет *национальным идеалом* – не либеральным или интернациональным, а высшей ценностью народного духа.

Идейная борьба политической дихотомии «правое» vs. «левое» за последние 100-150 лет исчерпала себя. Для нынешнего политического поколения итогом стал постмодернизм, который не сделал практически никаких позитивных выводов из право-левой борьбы. Но если очистить от шлаков, коррозии истории и философии это поле битвы, то мы получим следующий довольно бескомпромиссный результат: *есть безусловно верные левые идеи, и есть безусловно верные правые идеи, которые необходимо воплотить в обществе органично в единое целое*. Поэтому естественным образом и возникает учение, идея, которая называется национальный социализм.

Идея национального социализма не есть изобретение. Она объективно детерминирована условиями исторического развития социалистической идеи. Ее появление закономерно и логично, так как национальные отношения социально значимы и приоритетны для любой политической системы до сего дня. Подобно тому, как социал-демократия отделилась от идей марксизма, отказом от насильственного метода построения социализма: диктатуры пролетариата и мировой революции, также и национальный социализм должен был появиться внутри бурного моря социалистических идей, как вариант, как антиномия и Альтер-эго интернационализму – универсальной части социалистической идеи.

Сущностью нового социализма может стать народническое государство. Недавно азиатские коммунисты дали своим государствам определение «народная

республика», хотя там пока что «диктатура пролетариата». Социализм не может быть диктатурой или демократией, как не может быть и чем-то средним. Его задачей является: дать форму правления и структуру государства, которой не было еще до сих пор в истории, которую предстоит изобрести, а скорее выстрадать, органично вырастить. Есть и опыт «вождизма», «культы личности», и «диктатуры пролетариата», «однопартийной системы», которым не хватает демократии. Есть и опыт «демократизации общества», «социального государства», которым не хватает в свою очередь авторитета, народной собранности, единоволия и порядка. Истории и новым поколениям предстоит разорубить «гордиев узел» этих социальных противоречий.

Национальный социализм – очевидно более естественная и закономерная эволюционная модель построения социализма и развития культурных наций.

Комментарии

¹ Так, например, национальная сущность социализма проявляется в принятой в 1875 г. программе Социалистической рабочей партии Германии, известной, как «Готская программа»: *«Рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего **в рамках современного национального государства**, сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов»*. Конечно, интернационал никуда не делся, но Маркс в своей критике этой программы фактически обвиняет ее создателей в отказе от интернационализма. Хотя делает это тоже с весьма красноречивыми оговорками (см. ниже). А вот, что пишет его друг Энгельс: *«Так называемое «социалистическое общество» не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям. Решающее его отличие от нынешнего строя состоит, конечно, в организации производства на основе общей собственности сначала отдельной нации на все средства производства»*. Sapientis sat, как говорится.

² Подробнее об эволюционной концепции и вообще о развитии социалистической идеи см. Вебер М. Социализм// Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Том II. – Выпуск 3. (Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918 г.)). Идею о том, что социализм возможен в результате эволюции вначале в самых развитых странах, подхватили правые социал-демократы (Второй Интернационал), несогласные с методом насилия – революцией. Они считали достаточным такие методы борьбы, как стачка, забастовка, партийная и парламентская борьба, просвещение. Они прямо пошли на оппортунизм с буржуазией – вместо классовой борьбы, сотрудничество классов. Притчей во языцех стало предложение известного шведского социал-демократа П.А. Ханссона «не забивать «корову капитализма», а доить ее на благо всего народа». Зато куда менее известна оборотная сторона самого значимого триумфа социал-демократии – «шведской модели». 60 тысяч граждан этой страны, не являющихся этнически чистыми шведами, были принудительно стерилизованы в период с середины 30-х до середины 50-х годов. В городе Упсала был создан институт по расовой биологии. Именно здесь с 1922 по 1946 гг. велись активные исследования

в области евгеники – науки об улучшении расы. Шведский исследователь Мацей Заремба напрямую сравнивает идеологию правящей тогда и сейчас социал-демократической партии Швеции с идеологией национал-социалистов Германии. Шведским социал-демократам принадлежит идея создания социальной модели всеобщего равенства (получившей название «Народного дома»), где основополагающую роль играла солидарность работодателей и рабочих. Однако в проекте «Народного дома» был заложен один существенный нюанс: солидарность предполагалась хотя и между людьми разных классов, но одного расового, читай нордического, происхождения. Стерилизации подверглись в основном шведы с примесью цыганской, еврейской и славянской крови. Демографы А. и Г. Мюрдали, осуществлявшие прогрессивную семейную политику в Швеции в те же годы, также придерживались точки зрения о сохранении расовой и этнической гомогенности в интересах национальной защиты. (см. напр. Панкратова С. Самый стерильный социализм).

Очень кстати будет упомянуть настойчивые утверждения Леона Дегреля в «Эпопея: история Ваффен СС» о достижении фюрером классового сотрудничества в Третьем рейхе. Дегрель в своем пафосном героическом жизнеописании той исторической эпохи выписывает социальное развитие Германии 30-х прямо-таки в социал-демократическом ключе вплоть до идеи Евросоюза.

³ «Само собой разумеется, что рабочий класс, для того, чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организовать **как класс** и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в «Коммунистическом Манифесте», «по форме» национальна» (Маркс К. Критика готской программы//Избранные произведения. Том II. – М., 1948. – С.17).

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – С.288.

⁵ Маркс К. Капитал. Т.1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – С.754.

⁶ Практически во всех словарях советской поры социализм считается в соответствии с догмами марксизма какой-то очень временной, переходной, транзитной стадией на пути к коммунизму. Причем он всего лишь часть внутри коммунистического строительства, весьма несовершенная. Для примера: «Социализм и коммунизм – две стадии коммунистической общественно-экономической формации: социализм – ее первая, или низшая, фаза, коммунизм – высшая фаза. В основе их различия лежит степень экономической зрелости» (Философский словарь. – М.: Издательство политической литературы, 1963. – С.420.).

Хотя именно наше поколение стало очевидцем, что даже эта «переходная» стадия оказалась недостижимой для коммунистов. А все потому, что нельзя идти против логики собственного историзма и законов истории вообще – революционный рывок возможен, причем с неоднократными реставрациями старых, традиционных, консервативных, а порой и реакционных устоев (о чем сами же вожди марксизма-ленинизма не раз писали), что мы сегодня и наблюдаем на примере нового империализма – глобализма. Но перескок через стадии, либо очень быстрое их прохождение – это утопия.

За презрение к истории, к становлению поплатились все формы социализма. Практически все архитекторы социализма сделали заключение, что им не хватило времени его построить. Скорее им не хватило терпения – внешнее давление врага – буржуазии – было очень сильным, и они бросились в самые непредсказуемые исторические авантюры.

⁷ «Подтверждением служит знаменитое решение времен войны [**Первой мировой – Б.З.]** — создание Второго интернационала. Он собрался за день до начала войны в Европе. Там была принята резолюция о том, что никто не будет голосовать в поддержку войны, потому что это буржуазная война и рабочие в ней не заинтересованы. Двумя днями позже они все проголосовали за военные действия — в Англии, Германии, Австрии, Италии, везде. Они все поставили национальный интерес перед классовым чувством. То же самое произошло и в России после революции: лозунг о построении социализма в отдельно взятой стране и восстановлении империи вытеснили цели и лозунги мировой пролетарской революции». (см. Валлерстайн И. Система переживает коллапс //© [РУССКИЙ АРХИПЕЛАГ](#))

⁸ Вожди мирового пролетариата очень даже понимали угрозу национальной сущности социализма для их интернациональной борьбы. Разбирая политическую ситуацию после роспуска Думы в газете «Наше слово» №10 от 13 января 1916 (!), Л.Д. Троцкий с присущим ему ехидством замечает, однако, что «в сущности между черносотенством, с одной стороны, национальным либерализмом и национальным социализмом, с другой, нет никакой пропасти» (Троцкий Л.Д. События идут своим чередом. Европа в войне (1914 – 1918 гг.). С еще большим беспокойством и негодованием к «социал-национализму» отнесся В.И. Ленин в своей небольшой статье «К вопросу о национальностях и об «автономизации» (Ленин В.И. Избранные произведения. Том 3. – М, 1969. – С.700-705). Причем он оправдывал его для национальных меньшинств, перекидывая вину за него в форме подспудного «великорусского шовинизма» прямо на русский народ (а заодно на Сталина и Дзержинского, как на «обрусевших инородцев»). В данном документе интернационализм предстает во всем своем цинизме. Главный принцип коммунистического интернационализма – это унижение и самоунижение «великой» нации перед инородцами во имя упрочнения пролетарской классовой солидарности: «Необходимо отличать национализм нации, угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия...Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактической...Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством великодержавной нации...потому что ничто так не задерживает развития и упрочненности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости

и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». Вот такая большевистская логика: всеобщее равенство за счет неравенства – унижения национального большинства. На деле политика интернационализма – это вывернутый наизнанку империализм.

⁹ Даже Сталин признал основополагающую роль титульной нации в жизни Советского государства. На приеме в Кремле в мае 1945 года Сталин провозгласил свой знаменитый тост во славу русского народа: *«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение»*.

Левый социалист Отто Рюле в 1939 году прямо обвиняет большевизм за его скрытую национальную сущность: *«Большевизм является националистической доктриной. Призванный изначально и по существу решать национальную проблему, он был позднее превращен в теорию и практику на международном уровне»*. Хотя большевизм эксплуатировал нацию, а не возвышал ее, особенно в Советском союзе, через интернационалистическую уравниловку. (Подробнее об этом различии см. концепцию об «анагогическом» и «катагогическом» тоталитаризме у Ю. Эвола «Фашизм с точки зрения правых»).

¹⁰ Сам Коминтерн (III Интернационал) создавался как замена, потерпевшего крах Второго Интернационала, и был, таким образом, свидетельством очень серьезных противоречий внутри Мировой революции. *«В партиях Германии, Англии, Италии и других появилась болезнь «левизны», сектантства»* – т.е. политическое дробление усугубилось право-левой моделью, где советские коммунисты были правыми, считали свою точку зрения единственно правильной, а левые коммунисты и центристы – были либо сектантами, либо оппортунистами буржуазии. К началу сороковых пламя мировой революции потухло. *«Дальнейшее руководство компартиями из единого центра могло лишь тормозить рост коммунистического движения. Еще VII конгресс Коминтерна в своей резолюции по докладу Исполкома подчеркнул все возрастающую роль и ответственность каждой секции и необходимость сосредоточения оперативного руководства в самих секциях. Конгресс предложил тогда Исполкому избегать непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела компартий. Учитывая новую обстановку, Президиум ИККИ с одобрения подавляющего большинства коммунистических партий в мае 1943 принял решение о роспуске Коммунистического Интернационала»* (см. Политический словарь. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – С.275-278). Налицо «феодалная раздробленность». Все разбежались по своим национальным нормам.

¹¹ Резко против марксистского интернационализма и его попытки мировой революции и одновременно буржуазной «социальной» политики в защиту национальной сущности социализма выступил один из виднейших лидеров немецкого «национально-революционного» движения 20-х, идеолог «консервативной революции» Меллер ван дер Брук: *«Революция прежде всего исказила социализм. Лишь из нее вырастает в пролетариате в качестве "движения снизу" то, что мы называем его участием в жизни нации. И это участие должно быть безусловно осуществлено в Третьем Рейхе, если*

ему суждено иметь в людях прочность: но не только как материальное участие, как того и поныне требует коммунизм, путающий класс с нацией. Социализм не дает осуществлять себя снизу, как предполагает марксизм. Социализм не дает осуществлять себя и сверху, как допускала бисмарковская и вильгельмовская социальная политика. Социализм даст осуществить себя лишь путем сотрудничества низов и верхов, а не путем социализации прибылей, как полагал Маркс, не делавший различий между предприятием и гешефтом. Он осуществится лишь как социализм самого предприятия, основанный на взаимодействии хозяйственного руководства и трудовой отдачи и устанавливающий равновесие между доходами и запросами». (см. Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931 (3. Aufl.). S. 300-322.: Последняя глава этой книги имеется в И-нете на русском языке и практически полностью посвящена данной теме в русле германской исторической ситуации). Далее можно уже перейти к понятию *органичности* – как важнейшему свойству нации и социализма. Как нельзя лучше это понятие раскрывается у Х. Ст. Чемберлена в «Арийском мирозерцании».

¹² см. напр. Зубко М. *Шведская модель справедливости*.

¹³ Лукьянов Ф. *Шведская модель и геополитика*.

¹⁴ «Например, в программе национал–социалистической партии был и такой: «Уничтожение процентной кабалы». Но роль процентов осталась прежней, если не большей, капиталы по–прежнему размещались и приумножались, превращались в замки и бриллианты, а если что и уничтожалось, то отнюдь не проценты...» ([Бенн Г. Двойная жизнь](#))

¹⁵ «Мне нет необходимости разъяснять своему другу-коммунисту, что для меня народ и нация нечто иное, чем для красная с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке. Русская Советская система, которая отнюдь не доживает, последние дни, тоже не интернациональна, она носит чисто национальный русский характер. Ни один царь не понял душу русского народа, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства», – так писал Й. Геббельс в 1925 г. (цит. по Север А. Предисловие к книге О. Штрассера «Гитлер и Я»). В те годы в Германии была весьма популярна теория о «молодых народах» в «национально-революционной» среде, в «консервативной революции», которая рассматривала немцев и русских, как народы, бросившие вызов старой системе мира, вообще западной цивилизации. Революции в России и Германии расценивались практически, как новое великое переселение народов (см. А. Север, С.Г. Алленов, Ю. Ригер). Вообще же исследователи находят много сходств между двумя противоборствующими политическими течениями 20 в. Одни ангажировано очерняют их посредством структурных сходств, взаимосвязей, общностей (Х. Арндт, В. Райх), другие находят сходства, но также искренне отмечают и частные различия, делая выводы о разнице между этими течениями (Л. Люкс, Р. Гриффин). Но они пользуются в основном терминами и методологией, не учитывающей подходы самих этих течений. В частности, различия между коммунизмом и НС становятся закономерными и абсолютными при введении такой категории НС-мышления, как «полярность». Особенно наглядно обстоит дело именно с социализмом. Для коммунизма, социализм явление скоротечное, несовершенное. Для НС – конечная цель. Далее абсолютно полярными, антагонистическими концепциями в рамках социалистического

строительства стали материалистическое у коммунистов и идеалистическое у НС-мировоззрения, интернационализм vs. расиализм и т.д. Марксизм и НС – «полярны», но не «противны». Их общая ось – социализм. Но и тому и другому течению «противна» буржуазная формация, и подлинные силы, ею управляющие*. И здесь снова возникает «полярность», много споров о природе и необходимости «классовой борьбы». Но это тема уже для специальной дискуссии. Все же спекулятивные тождества коммунизма и

* Чтобы окончательно поставить все точки над «i» мы рассмотрим причину появления марксизма и нынешней священной борьбы через призму эзотерического учения – Weltanschauung. Слуги Демиурга вновь как в конце дохристианской эпохи решили перехватить инициативу *великого алхимического превращения Сумерков старой эпохи в новорожденный здоровый жизненный цикл*. Это действие обычно протекало в русле истинного арийского Архетипа (тогда давно, шла новая волна, новый цикл – Великое переселение народов). Здесь вновь на излете эпохи были посланы миссионеры, чтобы **искажить** правильный Архетип (социализм – благовест Ренессанса) для спасения своего паразитического наследия. Как некогда «апостол» Павел (фарисей Савл), Ф. Лассаль, К. Маркс, К. Каутский, Бернштейн и т.д. принялись перекраивать и объяснять социализм посредством экономической теории (вокруг экономики крутится практически весь марксизм): экономическим «Ветхим заветом» от А. Смита – фарисейством буржуазного мира, также сформированным в конце эпохи, перед стадией ее заката. В этом алхимическом процессе до того бурлили чистые идеи – большинство «прометеев» социализма были казнены и преследовались апологетами христианства и буржуазии, они героически отдали себя на заклятие нового возрождения «золотого века». Борьба шла снова в духе истинного Архетипа, выработав противоядие от тысячелетней отравы, с помощью гомеопатических процедур (т.е. посредством национального возрождения и Традиции). Однако старый мир, желая сохраниться, в лице самых своих больных элементов, готовил новые снадобья. И опять была влита доза фальшивой примеси в алхимическое превращение (Как настойчиво и яростно великий Ницше предостерегал нас от фальшивомонетчиков идей!). Для слуг Демиурга и для Белых Предателей – чистая субстанция есть погибель, поэтому они такие приверженцы всяческого смешения. Они высасывают из отравленных организмов народов молоко и мед, отравляя их взамен своими токсинами. В общем, цель у слуг Демиурга и Белых Предателей – оставить процесс превращения незавершенным, украсть «золотой век» у арийских народов. Поэтому они так боятся расплаты – «конца света», «конца истории» и «страшного суда» и запугивают этими угрозами всех остальных. Однако белым народам бояться нечего, т.к. в соответствии с истинным Архетипом и вечным возвращением произойти должно следующее. Эпоха рыб закончилась и в жертву должен быть принесен ее переродившийся гипертрофированный и всепожирающий хозяин – Левиафан. Талласократия (господствующая на морях держава), верх ее проявления, так называемая англо-саксонская, а на деле уже выродившаяся в паллиатив, в масонерию система, падет. Этот торжествующий ныне Карфаген – США, извращенный в эпоху Великих открытий и после Архетип мореплавателя, освоителя земли (правильным Архетипом были викинги, особенно дохристианской поры). Земля освоена и хозяином должен стать Водолей, свергающий Левиафана, т.е. Россия...

НС относительно такого понятия как «тоталитаризм» легко обнаружить в любой из форм империализма, даже в его «демократических» ипостасях.

¹⁶ Исчерпывающее изложение антиуниверсальной природы нации дано в «Мифе XX века».

¹⁷ Тезисы данного абзаца хорошо иллюстрирует статья «Сущность власти» А. Боймлера.

¹⁸ В настоящее время в рамках экономической глобализации реализуется концепция «либерального интернационализма» – многосторонности (мультилатерализма). Подробно см. Моро-Дефарж Ф. Многосторонность и конец истории: «Концепция многосторонности лежит в основе многих западных принципов универсальной направленности. Равенство участников, продвижение письменных норм, мирное урегулирование конфликтов – все это задумано для универсального применения. В то же время многие многосторонние организации оказываются инструментами в руках давно устоявшегося распределения сил. Генеральная Ассамблея ООН, в которой все государства-участники равны между собой, лишь дает рекомендации. Юридическая власть, которая предполагается в главе VII Устава ООН, остается в руках олигархического органа – Совета Безопасности. Международный валютный фонд (МВФ), объявляющий свои принципы универсальными, является выразителем финансовой ортодоксальности: взять хоть небезызвестный «консенсус Вашингтона». ВТО вынуждает все страны-участницы соглашения подчиняться либеральным торговым правилам и ничего не хочет знать о фактическом неравенстве положений, так как все страны – и развитые, и развивающиеся – подразумеваются равными. Равенство – всего лишь фрак, надеваемый, чтобы узаконить превосходство западных стран. К тому же, все эти многосторонние структуры развивают бюрократию, которая видит себя выразителем общих интересов человечества, а на деле навязывает всему миру собственные нормы».

¹⁹ «Сегодня ориентированные на космополитизм государства Запада располагают всеми козырями и возможностями, чтобы в полной мере использовать новый властный ресурс под названием «права человека»: темы глобального гражданского общества предоставляют сообществу западных государств, действующему по всему миру, идеологическое оружие для всемирно-экономических и военных «крестовых походов» (Бек У. Космополитическая глобализация). См. также Бек У. Трансформация политики и государства//Свободная мысль XXI. – 2004. – №7. – чудовищный антинациональный манифест либерального интернационализма.

Январь 2008 г.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!